

ГЛАВА 1

Утро не задалось с самого начала. В свой выходной день я планировала посмотреть новый фильм, который накануне скачала на ноутбук. Дело в том, что просмотр кино — это мое хобби, и все свободное время я предпочитаю проводить за этим занятием. Работа у меня достаточно напряженная — я являюсь телохранителем, поэтому адреналина и драйва в моей жизни достаточно.

Без ложной скромности могу сказать, что я, Евгения Охотникова, считаю лучшим бодигардом Тарасова и затрудняюсь сосчитать, сколько на моем счету успешно раскрытых дел. Неудивительно, что в нерабочее время я люблю находиться у себя дома, уютно устроившись в кресле за просмотром какого-нибудь боевика, триллера или мелодрамы. У меня нет предпочтений относительно жанра кино — я смотрю все подряд, главное, чтобы фильм был интересный.

На сегодняшний день у меня были просто грандиозные планы — я собиралась пересмотреть все скаченные фильмы, а по моим подсчетам, этого хватило бы до вечера. Больше я ничем заниматься не намеревалась — как-никак первый выходной день после успешно завершенного расследования, тем более что тетя Мила, с которой я живу, уехала на десять дней в санаторий поправлять здоровье.

Я не хочу сказать, что меня напрягает ее общество — наоборот, тетушка — прекрасный человек, обладающий невероятными кулинарными талантами, способностями к рукоделию и прочими достоинствами, которые мне и не снились. Единственная ложка дегтя в этой банке меда — это то, что тетя Мила спит и видит, как бы выдать меня замуж. Почему-то она никак не может смириться с мыслью, что меня полностью устраивает моя нынешняя жизнь и что-то менять в ней я не собираюсь.

Увы, замужество любимой племянницы превратилось для тетушки в идею-фикс, и для осуществления своего плана тетя Мила пускалась на самые разные ухищрения. Она знакомила меня с неженатыми родственниками своих подруг, таскала на выставки и концерты, придумывала мыслимые и немыслимые уловки, и я только диву давалась,

насколько тетушка изобретательна и неутомима. Наверно, если бы она обладала литературным талантом, ей стоило бы задуматься о написании книги под названием «Тысяча способов найти мужа племяннице». Ну, или что-то подобное. Уверена, книга бы стала бестселлером...

Зато сейчас тетя Мила отдыхает в санатории, а я спокойно могу предаваться блаженному безделью, не опасаясь, что моя дражайшая родственница предпримет очередную попытку устроить мою личную жизнь. К счастью, тетушкино «гестапо» начиналось, только когда у меня затягивались выходные дни — во время работы тетя Мила меня не трогала. Поэтому я намеревалась «оттянуться» по полной — пока нет очередного заказа, буду смотреть фильмы, заказывать еду на дом и вообще не выходить на улицу.

Я решила заварить себе кофе и приступить к просмотру фильма. Но когда я нажала на кнопку электрического чайника, прибор почему-то не стал работать. Странно — я проверила, включен ли чайник в сеть, не отошли ли контакты, однако все было в порядке. За исключением одного: воду чайник не кипятил.

Я выругалась, открыла кухонный шкаф и стала искать, чем можно заменить электрический чайник. Похоже, сломался — как на-

зло, именно сегодня. Хотя поломка чайника в любой день штука неприятная...

Я обыскала все ящики, но запасного электрического и даже обычного чайника не обнаружила. Делать нечего — пришлось ставить кипятиться воду в кастрюле.

Я заглянула в холодильник — перед отъездом тетя Мила наготовила кучу еды на первое время, зная мое неумение и нежелание заниматься кулинарными подвигами. Я достала контейнер с котлетами и запихнула его в микроволновку. Включила таймер, однако микроволновка, как и чайник, тоже не работала. Наконец до меня дошло, в чем причина синхронной поломки электроприборов. По какой-то причине в доме выключили электричество, то ли ремонтные, то ли профилактические работы. На моей памяти такое случалось не часто, за все время, пока я жила в этой квартире, подобные проблемы возникали раза два, не больше. Хорошо еще, что ноутбук довольно долгое время может работать не от сети, то есть фильм я посмотреть смогу.

Есть котлеты холодными я не хотела, поэтому отыскала маленькую сковородку, зажгла газовую конфорку и положила несколько котлет подогреваться. Ждать, пока вода закипит и котлеты будут готовы, мне надо-

ело. Я решила поставить на скачивание еще один фильм, а заодно посмотреть, хватит ли зарядки на моем ноутбуке. К счастью, переносной компьютер был заряжен полностью, поэтому я открыла вкладку интернета и стала смотреть, что из фильмов у меня еще не скачено. Открылась любопытная подборка — несколько триллеров, которые я еще не смотрела. Я принялась читать содержание фильмов, чтобы определиться, какой из них поставить первым в очереди.

Я настолько увлеклась своим занятием, что позабыла и про воду, и про котлеты. А когда вспомнила и побежала на кухню, в нос ударил сильный запах горелого. Получилось как в анекдоте: вода сварилась и начала жариться, а несчастные котлеты превратились в черные угольки.

Я выключила конфорки, налила в чашку то, что осталось от литра воды, засыпала ложку черного кофе. Достала из контейнера холодную котлету и стала есть вприкуску — хватит на сегодня кулинарных упражнений, хорошо хоть, что квартиру не спалила...

Я допила кофе, дожевала свой завтрак и отправилась в комнату смотреть фильм. Однако сегодня, похоже, был явно не мой день. Стоило мне только нажать на воспроизведение видео, как зазвонил мой телефон. Скорее

всего, тетя Мила беспокоится, как поживает ее племянница — нашла ли еду в холодильнике, не забыла ли позавтракать... Естественно, я не собиралась рассказывать тетушке о своем позорном промахе с котлетами. Это ж надо умудриться спалить их до углей... Похоже, кухня и Женя Охотникова — и в самом деле вещи трудно совместимые...

Я посмотрела на экран смартфона. Странно, но звонила не тетя Мила, номер оказался незнакомый. На девяносто пять процентов звонит потенциальный клиент, пять процентов я отводила на вероятность того, что ошиблись номером.

Честно говоря, сейчас я просто мечтала, чтобы телефонный звонок относился именно к тем пяти процентам, все-таки мне не помешал бы один выходной для перезагрузки мозгов.

Я взяла трубку и произнесла:

— Слушаю.

— Здравствуйте, — раздался тихий, немного писклявый женский голос.

Судя по всему, моей собеседнице было от силы лет семнадцать, а то и меньше. «Наверняка девчонка еще учится в школе», — подумала я про себя.

— Вы Евгения Охотникова? — спросила незнакомка.

— Да, все верно, — отозвалась я. — А к вам как обращаться?

— Меня зовут Альбина, — представилась девушка. — Альбина Карбышева. Мне срочно нужен телохранитель!

— Я к вашим услугам, — проговорила я. — Что с вами случилось? Почему вам потребовался телохранитель?

— За мной следят. И я боюсь, что телефонные разговоры тоже могут прослушивать! — затараторила девушка. — Мне кажется, меня хотят убить! Обратиться за помощью не к кому, мне очень страшно! А в полиции, боюсь, никто мне охрану не предоставит, я полиции не доверяю!

— Альбина, успокойтесь, — произнесла я. — Вы сейчас где находитесь?

— Дома у себя...

— Замечательно, — заметила я. — Из дома никуда не выходите, хорошо? Вы одна дома или с родителями?

— Одна. Я снимаю квартиру вместе с одной девчонкой, Ликой Зябликовой. Но Лика приходит сюда, только чтобы поработать, а живет она со своим парнем, поэтому большую часть времени я живу одна...

— Говорите адрес, я скоро приеду, и вы обо всем мне расскажете, — велела я.

По голосу Альбины было слышно, что девчонка и в самом деле напугана до смерти.

Сперва я сомневалась в искренности Карбышевой — мало ли, может, школьница решила пошутить от скуки, нашла номер моего телефона и вешает лапшу на уши. Но потом все больше убеждалась в том, что Альбина говорит на полном серьезе. Надо быть очень умелой актрисой, чтобы так изобразить испуг, в этом я была уверена.

— Улица Университетская, дом сто восемь, квартира тридцать, — проговорила Карбышева. — Это на четвертом этаже, лифт не работает...

— Минут через двадцать пять — тридцать буду у вас, — пообещала я. — Когда буду у вашего дома, я позвоню вам и скажу, что подъехала. Кроме меня, не открывайте никому дверь. Если вы опасаетесь, что вашей жизни угрожает опасность, необходимо принять меры.

— Да, я поняла... — пробормотала девушка. — Спасибо, что согласились мне помочь...

Закончив телефонный разговор, я с сожалением взглянула на ноутбук с так и не просмотренным фильмом, установила спящий режим на компьютере и стала собираться. Минут через пять я уже садилась в свою машину, припаркованную во дворе дома.

Несмотря на то что было раннее утро, солнце палило вовсю, обещая жаркий летний день. Август в этом году выдался на редкость

знойным, температура доходила до тридцати семи градусов в тени. Весь июнь лили дожди, июль оказался переменчивым месяцем, зато третий месяц лета испепелял город необычной жарой.

Я включила кондиционер в машине — люблю ездить с комфортом. Я спокойно переношу как экстремальный холод, так и адское пекло, но сейчас я искренне не понимала, как многие водители обходятся без кондиционера, дышать пыльным, душным воздухом из открытого окна — не очень заманчивая перспектива.

Альбина Карбышева снимала квартиру неподалеку от университетского городка. Наверно, я все же ошиблась, девушка не школьница, иначе она не смогла бы жить отдельно от родителей. Все-таки Альбина совершеннолетняя. Ее голос ввел меня в заблуждение, но мало ли какой тембр мог быть у человека. У некоторых женщин и в зрелом возрасте сохраняется молоджавый голос, скорее всего, Альбина — студентка университета.

Я подошла к подъезду дома, где жила моя новая клиентка, набрала в домофон номер квартиры. Альбина ответила почти сразу, у меня создалось впечатление, что она все время с момента нашего телефонного разговора сидела в коридоре.

«Стало быть, девушка напугана едва ли не до смерти», — отметила я про себя.

— Кто? — услышала я уже знакомый писклявый голосок.

— Альбина, это Евгения Охотникова, — проговорила я. — Мы с вами беседовали по телефону.

— Хорошо, я открываю, — произнесла Альбина. — Рядом с вами никого нет?

— Успокойтесь, я одна, — заверила ее я.

Раздалась мелодичная трель, дверь открылась. Я зашла в подъезд.

Лифт и в самом деле не работал, поэтому я поднялась по лестнице на четвертый этаж. Подошла к квартире номер тридцать, но обнаружила, что она закрыта. Я нажала на дверной замок.

Альбина снова проявила необычайную бдительность, спросив, кто это. Однако, услышав мое имя, девушка не успокоилась и потребовала, чтобы я в дверной «глазок» показала свое удостоверение. Документы я всегда носила при себе, поэтому предъявила свое удостоверение, и только после этого девушка впустила меня в квартиру.

— Вы уж простите за мою подозрительность, — проговорила девушка, закрывая за мной дверь. — В последнее время творится черт знает что...

— Ничего страшного, наоборот, очень хорошо, что вы соблюдаете меры личной безопасности, — ответила я, оглядывая свою новую клиентку.

Невысокого роста, худенькая, с модельной короткой стрижкой, девчонка выглядела лет на восемнадцать, а то и меньше. У нее были тонкие черты лица, серые глаза и прямой нос. На лице девушки, у начала скулы, я заметила татуировку — шестиконечную звезду.

«Очень экстравагантно», — отметила я про себя. Интересно, Альбина причисляет себя к какой-то субкультуре? Или татуировка на щеке — своеобразная попытка выделиться? Хотела бы я узнать, как ее родители отреагировали на подобное «украшение»...

Одета девушка была в черную футболку и такого же цвета штаны из тонкой ткани. В правой руке она что-то держала, пальцы были зажаты в кулак. Я быстро поняла, что за предмет у нее в руке и заметила:

— В случае нападения это вам не поможет. Если вы не умеете обращаться с холодным оружием, преступник в два счета выбьет нож из вашей руки и применит его против вас. Не рекомендую вам таскать с собой эту штуку. К тому же лезвие слишком короткое, поэтому даже если оружие будет при вас, вы сможете лишь легко ранить противника, чем только разозлите его.

— Я всегда с собой ношу нож, — возразила Альбина, крепче сжимая рукоятку маленького ножика с треугольным лезвием. — Мне так спокойней!

— Я вас предупредила, — пожала плечами я. — Вижу, что, к счастью, вы ножом ни разу не воспользовались.

— Откуда вы знаете? — изумилась девушка.

— Раз нож все еще при вас и вы возлагаете на него большие надежды, значит, не убедились на своем опыте в бестолковости данного предмета, — заметила я. — В противном случае, думаю, вы бы на оружие так не полагались.

Смущенная Альбина сунула нож в карман штанов и проговорила:

— Я не знаю, где удобнее разговаривать... В первый раз в жизни имею дело с телохранителем...

— Мы можем побеседовать в любой комнате. Только желательно, чтобы в ней находилось два стула, — сказала я.

— Давайте тогда пойдем на кухню, — предложила девушка. — Там стулья есть.

Она пошла по узкому коридору вглубь квартиры, я двинулась за ней. Квартира, которую Альбина снимала с соседкой, была двухкомнатная, кухня оказалась крохотной и с трудом годилась для приготовления еды.

Слишком много мебели для столь маленького пространства: плита, умывальник и стол для приготовления еды теснились у стены, противоположную сторону занимал холодильник, шкаф для посуды и столик, на котором стояла микроволновка. Обеденный стол располагался аккуратно посередине комнаты и был заставлен самыми разными вещами. Рядом с чашками находился открытый ноутбук, тут же стояли стаканчики с карандашами и кистями, сбоку лежали блокноты и тетради. Видно было, что кухня служила не только обеденным, но и рабочим местом. Вот только кто работал за столом? Скорее всего Альбина, вроде, по словам девушки, ее соседка приходила сюда редко. Выходит, моя клиентка занимается какой-то художественной работой, о чем явно свидетельствуют принадлежности для рисования.

— Присаживайтесь, — предложила Альбина, указывая на табурет. Сама она опустилась на другую табуретку напротив.

Я села, девушка спохватилась и предложила:

— У меня есть чай и кофе, будете?

— Не откажусь, — кивнула я, согласившись на предложение девушки только потому, что за чаепитием, в более непринужденной обстановке, Альбина хоть немного успокоится и отвлечется от своих страхов.

Эмоции — не лучший помощник в деле раскрытия преступлений, а я именно этим и занималась, охраняя своих клиентов от опасности. Ведь гораздо эффективнее вычислить убийцу, нежели гадать, с какой стороны будет нанесен удар. Поэтому всегда, когда я бралась за новое дело, я расспрашивала клиента, собирая сведения о возможных подозреваемых, а потом принималась за поиски убийцы. Иными словами, устраняла проблему, а не симптомы.

Однако будничные действия, вроде заваривания чая или кофе, не успокоили Альбину, а наоборот, заставили ее нервничать.

Когда девушка вытаскивала из шкафа с посудой чистые чашки, я видела, что у нее трясутся руки. Бедолага едва не уронила граненый стакан, который зачем-то вытащила и держала в руках. Она поставила стакан на стол, потом механически положила в него пакетик черного чая.

— Быть может, лучше чашку взять? — предположила я. — В стакан наливать кипятка не стоит.

— Ой, верно... — спохватилась Альбина. — Вы меня простите, я все думаю обо всем этом...

Она вытащила чайный пакетик из стакана, снова залезла в шкаф. И опять едва не раз-

била очередной бокал. Похоже, с чаем лучше повременить, не то Альбина точно уничтожит всю посуду...

— Сядьте, — кивнула я на табурет. — Обойдемся без чая. Расскажите, что с вами произошло.

— Хорошо... — покорно проговорила девушка. — По-моему, меня хотят... хотят убить. Или что-то подобное, иначе зачем им следить за мной?!

— Я поняла, вы считаете, что за вами кто-то следит, — проговорила я. — Но мне нужен максимально подробный рассказ о происходящих с вами событиях. Когда вы в первый раз заметили слежку, и при каких обстоятельствах это произошло?

— Примерно полторы недели назад, — немного подумав, сказала Альбина. — Я возвращалась домой с работы, было уже поздно. В каникулы я подрабатываю, преподаю в студии, и в тот день я вела урок по рисованию комиксов, а он заканчивается в половине девятого вечера. Я вообще не люблю так поздно возвращаться домой, но деваться просто некуда. В студии, где я преподаю, занятия проходят в вечернее время, несмотря на каникулы. Детей ведь водят на уроки взрослые, а они и летом работают, вот и получается, что все кружки только в вечернее время... А я взя-

лась преподавать курс по комиксам, отказаться невозможно, так как за два часа работы платят больше. В общем, я закончила работу, дождалась, когда за детьми придут родители. В тот день, это был четверг, мама одной моей ученицы, Вики Зотовой, задерживалась, поэтому освободилась я еще позже, чем обычно. Плюс еще долго ждала маршрутку... В общем, на улице было темно, а от остановки до дома надо идти по неосвещенной улице. Поблизости ни магазинов, ни круглосуточных кафе не было, я постаралась побыстрее пройти улицу и добраться до дома. Но внезапно мне показалось, что за мной кто-то идет. Я слышала позади шаги... Я испугалась, ускорила шаг, и тот, кто за мной следил, тоже стал идти быстрее. Я разнервничалась, стала озираться по сторонам, но прохожих, как назло, не было. Я побежала, и преследователь тоже побежал. Я даже не вытащила свой нож, он был в кармане, но мне было очень страшно, я боялась, что любое промедление будет стоить мне жизни... Я даже оглянуться не могла, под ноги не смотрела. Споткнулась обо что-то, упала и поняла, что сейчас преследователь меня догонит. Но вдруг где-то залаяла собака, я увидела впереди мужчину, который выгуливает овчарку на поводке. Я закричала, собака тоже стала лаять. Мужчина подбежал вслед за овчаркой ко мне, спро-

сил, что случилось. Он помог мне подняться на ноги, я сказала, что за мной кто-то бежал. Но вокруг никого не было — тот, кто следил за мной, вероятно, испугался собаки и скрылся. Мужчина вместе с собакой стал расспрашивать меня, видела ли я человека, который за мной гнался. Но я ничего толком не могла ему рассказать, так как от страха даже боялась оглянуться на преследователя. В общем, он, ну, мужчина, обошел окрестности, но никого поблизости не было. Я настолько была напугана, что боялась отойти от мужчины и его собаки. Он сказал, что, должно быть, мне показалось, потому что его пес, Лорд, ни за кем не погнался. Но ведь собака лаяла, понимаете? Значит, мне ничего не показалось, все было на самом деле! Закончилось все тем, что мужчина проводил меня до дома, потом стал выгуливать Лорда дальше. Я зашла в подъезд и бегом поднялась на свой этаж. Мне казалось, что в подъезде на меня могут напасть, и лифтом я с тех пор не пользовалась. Вообще, не люблю лифты, я их боюсь. Потом, правда, лифт в доме сломался, но даже если бы он и работал, я бы все равно ходила наверх пешком...

— Преступник мог уехать на машине либо зайти в подъезд, — заметила я. — Вспомните, может, собака останавливалась возле какого-нибудь дома или лаяла на дорогу?

— Нет, хозяин пса с поводка не спускал, — покачала головой Альбина. — Я предложила мужчине выпустить Лорда, но тот сказал, что таких крупных собак нельзя выгуливать без поводка, с этим ведь строго. Я, если честно, не помню, лаял ли Лорд на какой-нибудь подъезд, но точно скажу, что никакая машина не выезжала, я бы услышала...

— Понятно, — кивнула я. — Как я понимаю, это не единственный случай, когда за вами следили?

— Не единственный, — отозвалась Альбина. — Второй раз был спустя неделю где-то, в среду. Вернее, не через неделю, а через шесть дней... Первые четыре дня после того случая я просидела дома, боялась на улицу выйти. Даже в магазин не ходила, хорошо, что моя соседка по квартире, Лика, приходила в выходные поработать. У нее заказ появился, ей за два дня надо было сделать. У своего парня Лика не может рисовать — у него голова кружится от запаха разбавителей, поэтому она сюда приезжает. Я наврала Лике, что плохо себя чувствую, голова кружится, и в магазин за продуктами выйти не могу. Она мне купила какой-то еды, спросила, почему я не пользуюсь доставкой готовых блюд. Но я боялась, что курьером из доставки запросто может оказаться тот самый маньяк, который охотится за мной!

— Альбина, постойте, — остановила я ее эмоциональный рассказ. — Почему вас все-таки испугали эти два случая? Не могло ли это быть совпадением — мало ли людей по улицам бродит?

— Женя, знаете, когда становится страшно — логика бессильна, — беспомощно пожалла плечами девушка. — Мне кажется, кто-то преследует именно меня. Почему, зачем — понятия не имею, но я в ужасе... — Она помолчала и продолжила: — В общем, я Лике что-то наврала, она не обратила внимания, ей не до меня было. Но в понедельник мне надо было идти утром в училище, хочешь не хочешь, а пришлось выходить из дома. К счастью, все было нормально, днем я чувствовала себя более-менее в безопасности... Занятия в студии были только в среду, во вторник я снова сходила в училище, вернулась домой где-то часа в два. Вечером из дома никуда не выходила. Но в среду надо было идти на работу к четырем часам. По средам у меня две группы, заканчиваются занятия тоже вечером, в восемь. Я боялась выходить на работу, даже позвонила своей начальнице, Ольге Алексеевне, и сказала, что плохо себя чувствую. Но мне не нашли замену, Ольга Алексеевна буквально упростила меня выйти. Конечно, я понимала, что так долго продол-

жаться не может — не буду же я всю жизнь дома сидеть по вечерам. И потом, может, мне все это показалось? Вполне возможно, бежать могли не за мной, а... ну, за кем-то другим... Мне в это не верилось, но я внушила себе, что так оно и было, что я просто себе надумала всяких ужасов. К тому же немного отвлеклась в училище от своих мыслей, а потом поехала на работу. В группу, где я преподаю, привели новую девочку, с которой было довольно сложно работать. У меня были разные дети — в том числе и с психическими заболеваниями. Естественно, с ними непросто, но в тот раз я была даже рада, что приходится прикладывать все усилия, чтобы как-то заинтересовать ребенка. Девочка замкнутая, необщительная, и, по-моему, она вообще не понимала, что происходит. Потом еще одна группа, куча детей... Шум, гвалт, кучу времени тратишь на то, чтоб установить дисциплину. За всеми этими проблемами я вообще забыла, что боюсь возвращаться домой одна. Когда шла на работу, обратно собиралась возвращаться на такси, но когда занятия в студии закончились, даже посмеялась над своими страхами. Подумаешь — в четверг померещилось просто, зачем на такси ехать летом... В конце концов, погода хорошая, вечером прохладно, не то что днем. Короче го-

воря, я закрыла кабинет, ключ положила под дверь, как было заведено, и вышла на улицу. Но увидела, что моя маршрутка только что ушла, придется стоять на остановке минут пятнадцать. Мне не хотелось так долго ждать, я решила пройтись одну остановку пешком — там сравнительно недалеко.

— Постойте, вы, хоть и боялись преследователя, решили пройтись пешком? — остановила я свою, возможно, клиентку. В конце концов, дождаться маршрутки или даже вызвать такси — путь более безопасный, на мой взгляд.

— Да, — вздохнула она. — День выдался совершенно нормальный, суетный какой-то, и я решила, что, возможно, и впрямь придумала этого преследователя. Мало ли? Ждать на остановке некомфортно — да и народа там не было.

— Хорошо, — пожала я плечами. — И что же дальше?

— Шла, думала, как найти себе замену в студии на десять дней — скоро ведь отъезд в Хвалынск, и Ольга Алексеевна попросила меня найти кого-то, кто сможет меня заменить. Дело в том, что, если преподавателю надо взять отпуск, он должен сам искать себе замену. Студия коммерческая, поэтому там свои порядки. У меня никого из знакомых

не было, кто согласился бы поработать вместо меня, я спрашивала в училище. В общем, я сама не заметила, как прошла где-то половину пути. И внезапно, точно очнувшись, я почувствовала, что сзади на меня кто-то смотрит. Знаете, я буквально ощутила на себе чей-то взгляд, раньше думала, что невозможно понять, что на тебя смотрят, если человек находится позади. А тут поняла — такое бывает. Я резко обернулась и увидела позади черную тень. Не разобрала, что это за человек — высокий или низкий, он был одет во все черное и на голове вроде как капюшон. Я поняла, что меня снова преследуют. Вскрикнула от ужаса, но никого поблизости не было... Тогда я побежала вперед, а он — следом за мной. Я поняла, что теперь меня никто не спасет — не было ни людей, выгуливающих собак, ни прохожих. Но я помнила, что недалеко от следующей остановки есть продуктовый супермаркет. Даже если он работает до девяти вечера, а не круглосуточно, сейчас он должен быть открыт. Я добежала до магазина, рванулась внутрь, хотела попросить кассира вызвать полицию. Почему-то не подумала, что могу сама позвонить... Я забежала в магазин, подошла к продавщице и сказала, что меня преследуют. Та посмотрела на меня недоверчиво, но все же вызвала второго про-

давца, какого-то парня. Он стал расспрашивать меня, что произошло, но в полицию никто из кассиров не стал звонить. Я рассказала про то, что за мной гнался какой-то человек. Парень сказал, что он посмотрит, есть ли кто на улице. Я боялась выйти, стояла около стеллажей. Продавщица так странно смотрела на меня, словно я сама преступница. Может, они думали, что я грабительница и отвлекаю их внимание, не знаю... Но продавец, который пошел смотреть, есть ли кто около магазина, вскоре вернулся и заявил, что никого не видел. Говорил он так, точно считал меня сумасшедшей. Я подошла к окну магазина, посмотрела на улицу. Мне показалось, что подъезжает моя маршрутка. Я рванулась из супермаркета, быстро села в маршрутное такси и уехала. Кроме меня на остановке никого больше не было...

Альбина замолчала, через некоторое время продолжила:

— Как ни странно, в тот день больше меня никто не караулил. Я бегом добежала до дома и поняла, что если так будет дальше продолжаться, то сойду с ума. В четверг, когда я поздно закончила работу, я вызвала такси. Надеялась, что преследователь не найдет способ снова выследить меня. Пускай потрачу лишние деньги, но мне моя жизнь

дороже. К счастью, в тот день меня никто не преследовал, таксист оказался не маньяком-преступником, довез меня до подъезда. Правда, пока мы ехали, меня трясло от ужаса. Я пожалела, что не записала номер машины, чтобы в случае чего... Хотя не знаю, что бы я делала, если бы таксист огрел меня по голове чем-нибудь тяжелым или завез бы в подворотню и там убил. Об этом я не подумала... Но нервы у меня сдали, я стала шарахаться даже от собственной тени. Иногда, сидя в квартире, я ощущала на себе чей-то взгляд, чье-то присутствие. Ведь при желании в мою квартиру проникнуть проще простого, верно? Пускай я живу на четвертом этаже, а не на первом, но взломать дверь легко, и я уже ничего не смогу сделать! Я понимала, что дома тоже нахожусь в опасности, но ничего не могла сделать. Я попросила Лику предупреждать меня, когда она соберется ехать сюда поработать. Соседка очень удивилась, стала расспрашивать, почему она должна это делать. Я пыталась придумать какую-нибудь отговорку, сочинить что-то, но получалось... Да ничего не получалось. В конце концов призналась, что за мной следят и я очень боюсь. Лика посоветовала мне переехать к отцу, но я лучше с ума сойду, чем стану жить с ним. Вообще, я этого человека

не считаю своим отцом! Он предал и меня, и мать, поэтому знать его не желаю! Но это к делу не относится...

— Пойдите, а не появлялось у вас мысли, что, допустим, ваш отец хотел с вами поговорить? Но не решался, например, — выдала я на редкость бредовое предположение. Хотя... кто знает, что могло прийти в голову человеку, пытающемуся наладить контакт с дочерью?

— Нет, это нереально, — отмахнулась от моих слов Альбина. — Чтобы маститый художник стал преследовать меня вечерами? Он бы позвонил, в крайнем случае, мог бы ко мне в квартиру прийти...

— Хорошо, спасибо, — проговорила я. — Продолжайте, пожалуйста.

— В общем, несколько дней я делала все возможное, чтобы обезопасить себя. А в субботу... в субботу я работала днем, поэтому решила добираться на работу и с работу не на такси. После зашла в магазин, надо было купить продуктов. Магазин недалеко от остановки, рядом с домом. Я набрала продуктов в корзину, стояла в очереди, как вдруг посмотрела назад и среди стеллажей увидела темный силуэт. Меня охватил дикий ужас, я поставила корзину на пол и выскочила из магазина. Я боялась оглянуться, бежала, как

полоумная. Влетела в подъезд, на четвертый этаж, заперлась в квартире, и у меня началась истерика. Я не могла успокоиться, меня знобило, руки тряслись... Даже температура поднялась, хорошо, что у меня имелись успокоительные — на всякий случай. Я выпила сразу несколько таблеток, потом уснула, но проснулась от кошмара. Снилось, что за мной гонится тот человек в черном, и что он меня догоняет... Больше я заснуть не смогла. Ночью постоянно казалось, что я слышу какие-то шорохи и звуки, что кто-то скребется в дверь... Еле как дождавшись утра, я позвонила своей сестре Кристине, чтобы поговорить с ней. Мы с сестрой никогда не были подругами, но все-таки она какая-никакая, а моя родственница. Но Кристина сказала, что занята — они с ее парнем Игорем сейчас у него на даче, и ей не до меня. Тогда я позвонила Лике, соседка ведь была в курсе, что за мной следят. Лика собиралась приехать в воскресенье на квартиру поработать, я была рада, что не одна тут буду сидеть. Как ни странно, Лика отнеслась с пониманием к моим проблемам. Мы с ней поддерживаем приятельские отношения, и она, в отличие от Кристинки, не стала от меня отмахиваться. Внимательно меня выслушала, посочувствовала и заявила, что надо искать выход из соз-

давшейся ситуации. Если так и дальше будет продолжаться, мои нервы точно не выдержат. Она и посоветовала мне нанять телохранителя, чтобы во всем разобраться. Она позвонила своему парню, Косте, отец которого, оказывается, обращался за помощью к телохранителю. Ну, то есть к вам — Лика мне дала ваш номер, поэтому я решила вам позвонить. Все воскресенье думала, а стоит ли? Вдруг у меня просто крыша едет? Но я точно помню, что за мной на самом деле следили! И с головой у меня все в порядке, не могло так просто ни с того ни с сего меня переключить! Или вы считаете, что мне пора в дурдом?

— Я не психиатр, чтобы делать подобные выводы, — заметила я. — Следить могут за любым человеком, вопрос только — зачем? Что вы думаете по этому поводу? Кто мог следить за вами?

— Понятия не имею! — воскликнула Альбина. — Хотя... Знаете, мне многие завидуют в училище, ведь мой отец — сам Павел Карбышев, гений и талантливейший из живописцев! Все так считают, — фыркнула она. — Поэтому в училище думают, что из-за моего папаши у преподавателей ко мне особое отношение. Но это — чушь собачья, я вообще не общаюсь с отцом! Не хочу ни видеть его, ни слышать о нем! Даже собиралась сменить

фамилию, но потом передумала. Слишком муторно... Хотя не знаю, возможно, и сменю. Не хочу, чтобы меня считали дочуркой великого Павла Карбышева, всего собираюсь добиваться сама!

— Вот как, — протянула я. — Расскажите о себе, своей семье. Вы учитесь в училище, верно? В художественном?

— Ну да, — пожала плечами девушка. — Оно в Тарасове одно такое. Вообще, я жила в Балаково с мамой, Ольгой Карбышевой, а прошлым летом приехала в Тарасов сдавать экзамены в училище. Поступила и переехала сюда, стала снимать квартиру.

— Ваша мать осталась в Балаково? — заинтересовалась я.

Альбина кивнула.

— Да, что ей делать в Тарасове? Я иногда приезжаю в Балаково на каникулы, но летом не получилось — работу вот нашла, плюс ко всему, в августе состоится пленэр в Хвалынске, он длится две недели. То есть в Балаково я смотаться явно не успею.

— Ваш отец, как я поняла с ваших слов известный художник, верно? — уточнила я.

Альбина кивнула.

— Вы наверняка о нем слышали, — пояснила девушка. — Павел Карбышев — одна из самых популярных личностей Тарасова.

Персональные выставки, провокационные картины, сотрудничество с крупными музеями... Короче говоря, мой папаша купается в лучах славы.

— Вы говорили, что он плохо поступил с вашей матерью, — заметила я. — Что он сделал?

— Нашел себе любовницу и ушел к ней, — хмыкнула Альбина. — Бросил маму и не раскаивается в этом ни капли! Катается с ней за границу, наслаждается жизнью и особо ни о чем не задумывается. А для всех он — гений и талант, ага, как же!

— Из родственников у вас в Тарасове только отец и сестра? — уточнила я.

Альбина кивнула.

— Кристинка, как и я, учится в художественном училище. Только я первый курс окончила, а она — третий. Поступила после одиннадцатого класса.

— Вы с ней одного возраста, верно?

— Нет, — возразила Альбина. — Сестра младше меня на два года. Ей сейчас двадцать, а мне двадцать два.

— Получается, вы поступили в училище не после школы, а позже, — заключила я. — Почему? Что вы делали после окончания школы?

— А это разве имеет отношение к делу? — удивилась девушка.

— Мне важно знать абсолютно все о вашем окружении, о вашей жизни, чтобы составить представление о том, кто и почему мог бы желать вам зла, — пояснила я. — Так чем вы занимались после школы?

— Искала себя, — нехотя проговорила Альбина. — Понимаете, я ведь, как и Кристина, любила рисовать. Видимо, гены от отца достались... Но если я даже окончу училище, то как смогу пробиться в жизни? Многие считают, что мне повезло — как же, отец — выдающийся живописец! Но на самом деле все с точностью до наоборот. Я всегда буду оставаться в тени великого Павла Карбышева, и Кристинка — тоже! Я поняла это еще давно, поэтому и думала связать свою жизнь не с живописью, а с чем-то другим. Но с чем — неизвестно. Ведь кроме рисования, у меня ничего хорошо не получается! Писать статьи или книги я не умею, иностранные языки особо не знаю, математику и физику в школе ненавидела... Куда идти — непонятно. Так помыкалась несколько лет и решила готовиться к вступительным экзаменам в училище. Поэтому и поступила позже сестры. Видимо, судьба у нас такая — быть художниками. То есть художницами.

— Ясно, — кивнула я. — Почему вы не общаетесь с сестрой? Вы с ней в ссоре?

— Да в детстве, понятное дело, все сестры ссорятся, — хмыкнула Альбина. — Я старше Кристины и, естественно, ревновала родителей к ней. Казалось, что ей достается всегда все самое лучшее, а я — старшая сестра, должна быть умнее, мудрее и терпеливее. К тому же в старших классах у нас с Кристиной были разные компании, разные друзья. Лет в пятнадцать Крис сдружилась с одной девчонкой, Наташкой Борисовой, и все время с ней проводила. Мне было семнадцать, я школу заканчивала. Вот Кристинка по тусовкам бегала, а мне приходилось к экзаменам готовиться — чтобы аттестат нормальный получить. К тому же отец тогда ушел из семьи и переехал в Тарасов. Не знаю, как у Кристины, но у меня была психологическая травма. Я не понимала, почему отец так поступил, почему предал маму. Мама ведь тоже художница, но не такая известная, как отец. Когда родилась я, а потом Кристина, все заботы по воспитанию детей легли на маму. Отец организовывал выставки да писал свои шедевры, а мама гонялась с пеленками-распашонками, ей не до живописи было. Она рисовала редко, помню только, что когда мне было шесть лет, учила меня, как работать с акварелью и гуашью. Понятное дело, на примитивном уровне. Ну вроде акварельную краску густо

не кладу, а то некрасиво будет, и побольше воды лей. Мы с мамой делали всякие прикольные штуки — заливали красками листок и накладывали на него другой, белый, а потом смотрели, на что похожи разноцветные пятна, и дорисовывали картинку. Кристина, которая была маленькой, вечно таскала мои фломастеры и на обоях рисовала. Мама с отцом подумали и решили нас обеих отдать в художественную школу. Меня отдали раньше — в двенадцать лет, а Кристину через год, ей тогда одиннадцать исполнилось. Я закончила художку раньше сестры, а вот в училище поступила позже. И все время, пока мы жили с родителями, ссорились с сестрой. Она говорила, что лучше меня рисует, соревновалась со мной. Мне было обидно, но родители были всегда на стороне младшей дочери. Когда выросли, совсем отдалились друг от друга. Кристина поступила в художественное училище и переехала жить в Тарасов, я осталась с матерью, ей нужна была поддержка. Отец ведь ушел, мама страдала и переживала. Но потом и я уехала из Балаково. Кристина быстро нашла себе бойфренда, она вообще меняет их как перчатки, но с этим Игорем она уже давно встречается. Собственно, такая вот история.

— Сестра вам завидует? — поинтересовалась я.

— Скорее я ей? — фыркнула Альбина. — Мало того что ей всегда доставалось все внимание, так еще и внешность у нее потрясающая. Я рядом с ней — просто дохлая серая мышь. У Кристины всегда были подруги, парни на нее вечно засматриваются. Не хотелось мне признаваться, но да, я завидую своей сестре. Может, поэтому не хочу с ней лишний раз видеться... К тому же когда мне действительно потребовалась ее помощь, она дала мне понять, что ей не до моих проблем.

— Но в училище вы встречаетесь с сестрой? — поинтересовалась я.

— Иногда, — пожала плечами Альбина. — Сейчас мы вместе ходим в училище — надо готовить холсты и картон к поездке в Хвалынский. Но Кристина со своими одноклассниками общается, со мной редко разговаривает. И я с ней тоже.

— А у вас как складываются отношения с одноклассниками? — поинтересовалась я. — Есть подруги, друзья? Или, наоборот, вы с кем-то конфликтуете?

— По поводу подруг — скорее нет, чем да, — немного подумав, проговорила девушка. — Мне кажется, в группе мне завидуют. Считают, что наш преподаватель, Федор Алексеевич, предвзято ко мне относится. Хвалит мои наброски, хотя многие думают,

что они ужасны. Но это мой стиль, к тому же многие авангардные художники делали что-то подобное. Это новое, необычное искусство, оно свежее и поэтому вызывает столько негатива. В группе все привыкли к определенному стилю рисунка, и то, что отличается от него, воспринимается в штыки. Я считаю это глупым и консервативным подходом.

— Но преподаватель вас хвалит, верно? — уточнила я.

Альбина кивнула:

— Да. И это вызывает неприязненное отношение ко мне. У нас в группе учится одна девушка, Вероника Терехова, так она постоянно приносит кучу работ. Всякие эскизы, этюды, наброски... И я вижу, что ее задевает, когда Федор Алексеевич критикует ее рисунки. Но ведь надо не только много работ делать, а надо качественно рисовать! Но Вероника, похоже, так не думает. Она привыкла пахать как ломовая лошадь, но это же глупо! В моих же набросках есть живость и новый взгляд на вещи. Думаю, именно это и нравится преподавателю.

— А эта Вероника, она как проявляет свое недовольство? — поинтересовалась я.

— Да никак не проявляет, — проговорила девушка. — Дуется только и ходит обиженная.

Постоянно выбегает покурить, так с нервным стрессом справляется. И иногда говорит, что преподаватель ее бесит.

— А с вами Вероника ссорится?

— Прямо таких крупных ссор у нас не было, — заметила Альбина. — Ругаемся, и все. Но до конфликтов дело не доходит.

— А с остальными ребятами в группе у вас какие отношения? — продолжала расспрашивать я.

— Да обычные отношения, — пожалала плечами моя собеседница. — У нас в группе семь человек: я, Вероника, Ксюша Лепатова, Алиса Коршунова, Света Зябликова, Ирина Федорова и Рита Тимофеева. Все после одиннадцатого класса, у некоторых есть высшее образование. Только Алисе и Рите по восемнадцать лет, остальные гораздо старше. Веронике и Ирине уже по тридцать, Свете — двадцать семь, Ксюше — двадцать пять. Ирина окончила архитектурный факультет Политехнического университета, она два дня в неделю стабильно прогуливает из-за работы. Преподает в университете. Ксюша тоже работает, она дизайнер, но занимается своими проектами по выходным. Вероника вроде Педагогический институт окончила, кажется, она подрабатывает иллюстратором. Про кого еще не сказала... А, Света замужем, у нее двое

детей, ее муж содержит. Если говорить о конфликтах, то иногда мы с Ириной спорим по поводу рисунков. Ирина еще дополнительно занимается с преподавателем, Мариной Андреевной, по вечерам к ней ходит. У нас в училище проходил конкурс домашних работ, Вероника, я и Ирина решили в нем участвовать. Остальные как-то проигнорировали, ну мы и принесли свои рисунки. Так вот, у Ирины отобрали только одну копию, у Вероники — тоже один этюд, а мои наброски понравились, мне даже пришлось их на ватман крепить. Ирина возмущалась, что мои рисунки выбрали, мол, у Вероники гораздо лучше работы, да и у самой Ирины тоже. Мы с Ирой поспорили — я говорила, что работы Вероники хоть и детальные, но слишком предсказуемые. А Ирина заявила, что мои наброски похожи на детские каракули. Вот, собственно, и весь конфликт. Но я ни за что не поверю, что Ира или Вероника стали бы меня доводить до нервного срыва из-за такой ерунды!

— Для вас это, может, и ерунда, но, как я понимаю, художники — люди ранимые, их запросто может задеть успех другого человека, — заметила я. — Почему вы считаете, что никто из ваших одноклассников не мог затаить на вас злобу?

— Да просто ерунда какая-то! — воскликнула Альбина. — Ну доведут они меня до психушки, и дальше-то что? От этого их рисунки не станут лучше!

— Если вы бросите художественное училище, у них не станет конкурентки, вроде вас, — заявила я. — Почему бы и нет?

— Не знаю... — протянула девушка. — Мне в это как-то не верится...

— Ладно, продолжим наш разговор дальше, — проговорила я. — Вы говорили, что собираетесь ехать в Хвалынск, верно? Расскажите об этой поездке!

— Как раз о ней я и хотела поговорить, — вздохнула Альбина. — Дело в том, что отъезд состоится уже через день, то есть послезавтра. Завтра, во вторник, мне надо прийти в училище — я ведь сегодняшней день прогуляла, потому что с вами договорилась встретиться. Да и после всего этого ужаса со слезкой мне страшно выходить из дома... Я мечтала поехать в Хвалынск — это пленэр, где собираются художники с разных городов страны. Не только наше училище, но и Петербургское, Московское, Пензенское, еще какие-то принимают участие. Но организаторами являемся мы, поэтому наше училище предоставляет всем холсты и картон. Там мы должны жить две недели, все это время нас будут вывозить

на этюды по окрестностям. Как рассказывают другие студенты, которые уже были на пленэре, там очень красиво, и вообще, все туда рвутся. Но сейчас я даже не знаю, ехать мне или нет... Я боюсь, понимаете? Вдруг тот, кто следит за мной, узнает, что я буду в Хвалынске, и поедет следом? Нас заселят в санатории не в городе, а где-то за Хвалынском, то есть отделения полиции рядом нет, и вообще, вокруг санатория — глухой лес. А если меня похитят, затащат куда-нибудь в этот самый лес и прирежут? Мне, если честно, не хочется умирать... И что теперь делать, я не знаю. Но и отказаться от поездки я не могу, неизвестно, будет ли у меня еще такая возможность! Я еще и по этой причине к вам обратилась. Ну и, кроме того, в полиции мне вряд ли поверят — скажут, что у меня с головой проблемы, отправят к психиатру. Ведь за мной только следили, понимаете? Никто на меня не нападал, похитить не пытался. Поэтому, я думаю, в полиции этим делом заниматься не станут...

— То есть вы хотите, чтобы я вас сопровождала в поездке, верно? — уточнила я.

Альбина кивнула:

— Да, если это возможно.

— Альбина, вы в курсе моих расценок? — спросила я.

А услуги телохранителя моего класса оплачиваются высоко. Ну, и благотворительностью я занимаюсь очень и очень редко.

— Вы все-таки студентка, а не бизнес-вумен...

Девушка пожала плечами:

— Да, я в курсе, — ответила она спокойно. — У меня есть деньги на несколько дней ваших услуг. А с Хвалынском... Мне так будет гораздо спокойнее, если вы поедете. Тогда хотя бы я не стану так нервничать... У меня ведь на нервной почве уже бессонница началась, я боюсь заснуть! Вдруг, пока я сплю, этот человек, который меня преследует, проникнет ко мне в комнату и задушит подушкой? Я ведь и проснуться не успею! А в санатории проникнуть в номер гораздо проще, чем в квартиру. Как рассказывали те, кто уже был на пленэре, корпуса двухэтажные, поэтому пробраться даже на второй этаж труда не составит. А дальше — через балкон можно запросто пройти в комнату, и все! Поминай как звали!

— Я вас поняла, — сказала я. — Проблема заключается в другом. Если на пленэр едут только художники, то есть студенты и преподаватели, каким образом туда можно проникнуть и заселиться в ваш санаторий? Я должна постоянно быть рядом с вами, иначе охранять

вас будет проблематично. Какие есть еще варианты поездки? Кто, помимо художников, может присутствовать на пленэре?

— Кроме художников, едут еще и журналисты, — пояснила девушка. — Мероприятие крупное, можно сказать, всероссийское. Вы же можете поехать в качестве журналиста, верно? Директор сам зовет репортеров, можно что-нибудь придумать!

— Отлично, — кивнула я. — Если журналистов тоже заселяют в санаторий, это прекрасно. Помимо вас, кто из вашей группы едет? Как вообще отбирают студентов для поездки?

— Прежде всего, смотрят по результатам летней практики и по оценкам, — проговорила Альбина. — В Хвалынске пишут этюды, то есть пейзажи, поэтому посылают тех людей, кто справился с практикой. Мне рассказывали, что на работу в Хвалынске у нас время до обеда, потом обед в школе, а после обеда — снова выезд до шести вечера где-то. В шесть мы на автобусе возвращаемся в санаторий, там у нас ужин и свободное время. Короче говоря, в день надо сделать минимум два этюда, а если человек не успевает закончить работу, придется доделывать в санатории, по фотке. Поэтому и отбирают тех учеников, кто на практике предоставил хорошие работы, плюс смотрят на количество рисунков.

Из нашей группы отобрали меня, Веронику, Ксюшу и Алису. Вероника — понятное дело, штампует этюды, как конвейер, меня взяли потому, что у меня хорошие этюды и наброски, да и оценки у нас с Вероникой отличные по всем предметам. Ксюша — наша староста, у нее работ мало на летней практике, но всем нравится ее живопись, у нее неплохая манера. А Алиса считается лучшей по живописи в нашей группе. Мне не все ее этюды нравятся, но Федор Алексеевич ее хвалит, так как у нее нет ошибок. Кстати говоря, Алиска перед вступительными экзаменами занималась у моего отца, представляете? По ее словам, он открыл ей глаза на живопись, поэтому у нее такие работы хорошие. Хотя у нее нет домашних работ — а зачем, спрашивается, если все и так замечательно?..

— Ирину, получается, не взяли, — прокомментировала я. — А почему?

— У нее со здоровьем проблемы, — пояснила Альбина. — В августе у Иры начинается аллергия на какую-то траву, она сама не захотела ехать.

— Ясно, — протянула я. — А остальные девушки из группы, они по какой причине не едут?

— У Светы дети, ей не до поездок, — проговорила моя собеседница. — А Рита тоже вся

больная, у нее то понос, то золотуха, вечно бегают по врачам. Даже если бы им и предложили поехать, они бы отказались. Но из нашей группы и так много людей едет, из других гораздо меньше.

— Почему? — поинтересовалась я. — Из-за плохой успеваемости студентов в других группах, или места строго ограничены?

— Не то чтобы ограничены, — немного подумав, сказала девушка. — Какого-то регламента о том, сколько человек должно поехать, вроде нет. Наверно, исходят из финансовых затрат, которые может позволить училище. В поездку ведь не только транспорт включен, но еще и наше проживание и питание в санатории. Студенты, которые едут в Хвалынск, тратят деньги только на художественные материалы — краски, разбавители, может, холсты, если размер тех, которые выдают, не подходит. К тому же в конце пленэра будет ярмарка, и свои работы там можно будет продать. Короче говоря, у студентов никаких расходов, только у училища.

— А откуда же берутся деньги на столь затратное мероприятие? — спросила я.

Альбина пожала плечами.

— Я в это особо не вникала. Думаю, у училища есть какой-то бюджетный фонд, к тому же наверняка существуют спонсоры всякие...

К тому же часть студентов — платники, они учатся на коммерческом отделении, может, оттуда деньги. Но еще раз повторяю, меня этот вопрос никогда не интересовал, ответ на него может знать только директор.

— Вы на бюджете ведь учитесь? — уточнила я.

Альбина кивнула.

— Да, у нас в группе все девчонки на бюджете, — пояснила она. — В начале года были две девочки, которые учились на коммерции, но они обе отчислились в конце первого семестра. Думаю, очень мало платников доходят до диплома, все отчисляются либо уходят в академический отпуск.

— Неужели в художественном училище такая большая плата за обучение? — удивилась я, пытаясь представить себе, на какую работу может устроиться выпускник этого учебного заведения.

На ум пришло только два варианта: либо учителем в школу или студию, либо «вольным художником». Ну или дизайнером, заниматься компьютерной графикой. Сейчас это направление более популярно, нежели традиционная живопись.

— Не в этом дело, — покачала головой Альбина. — Плата за семестр, конечно, выросла за последние годы, но, помимо этого, ■

надо покупать художественные материалы, которые стоят совсем не дешево. У нас пары пять дней в неделю, заканчиваем мы в четыре вечера, иногда занятия до шести вечера. Но после этого надо делать кучу домашней работы, задают полно всего по всем предметам. К тому же мы должны делать зарисовки, этюды и эскизы — это само собой подразумевается. С таким количеством заданий невозможно подрабатывать — если, конечно, хочешь нормально чему-то научиться в училище. Те девочки, которые работают — Ира, например, — не успевают с домашними заданиями, пропускают пары. Но у нас пропуски должны быть только по уважительной причине, сопровождаться документами. То есть, если пропустишь два дня просто так, могут исключить. Вот и получается, что на платном отделении могут учиться дети олигархов — чтобы не работать и еще платить за учебу. Естественно, те, кто поступает на платное, сразу понимают, что в художественном училище надо пахать как лошадь. Мне, может, и не нравится живопись Вероники, но могу сказать, что она молодец. Работает больше всех нас вместе взятых. Конечно, с платного отделения можно перевестись на бюджетное, но надо, чтобы не было троек, желательно вообще отличные оценки в семестре получить.